
 Научная статья

УДК/UDC 34

DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-21-29

К вопросу об институте президентства в Абхазии и Южной Осетии: сравнительно-правовой анализ

В.Д. Дзидзоев

Горский аграрный государственный университет, г. Владикавказ, Российская Федерация

dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты независимых суверенных государств Южного Кавказа, в частности, ценз оседлости для кандидата на пост Президента Южной Осетии, коллизии, с которыми сталкивалось до недавнего прошлого югоосетинское общество на президентских выборах. Анализируются также правовые проблемы государственности Абхазии и Южной Осетии, которые уже 14 лет строят демократические правовые государства. Автор обращает внимание на многие политико-правовые документы, на основе которых строят государство в Сухуми и Цхинвале. Особое внимание обращается к анализу «Декларации о принципах международного права», которая касается дружественных отношений и сотрудничества между государствами и народами. Важным элементом национального самоопределения является право народов испрашивать и получать поддержку на основе Устава ООН, что и анализируется в предлагаемой статье. Приводятся аргументы против различных версий надуманных предлогов якобы оказания помощи и реализации права нации на самоопределение.

Ключевые слова: Российская Федерация, Абхазия, Южная Осетия, Южный Кавказ, Пятидневная война, президент, ценз оседлости, гражданин, Тбилиси, Москва, Избирательная комиссия, конституция

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. К вопросу об институте президентства в Абхазии и Южной Осетии: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 43, № 3. С. 21–29. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-21-29

Original article

On the issue of the Institution of the Presidency in Abkhazia and South Ossetia: comparative legal analysis

Valerii D. Dzidzoev

Gorsky state agrarian University, Vladikavkaz, Russian Federation

dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article deals with certain aspects of the independent sovereign states of the South Caucasus, in particular, the residence requirement for a candidate for the post of President of South Ossetia, the conflicts that South Ossetian society faced in the presidential elections until recently. The legal problems of the statehood of Abkhazia and South Ossetia, which have been building democratic legal states for 14 years, are also analyzed. The author draws attention to many political and legal documents on the basis of which the state is built in Sukhumi and Tskhinvali. Particular attention is drawn to the analysis of the "Declaration on the principles of international law", which concerns friendly relations and cooperation between states and peoples. An important element of national self-determination is the right of peoples to seek and receive support on the basis of the UN Charter, which is analyzed in the proposed article. Arguments are given against various versions of far-fetched pretexts for allegedly providing assistance and realizing the nation's right to self-determination.

Keywords: Russian Federation, Abkhazia, South Ossetia, South Caucasus, Five-day war, president, residency requirement, citizen, Tbilisi, Moscow, Electoral Commission, constitution.

For citation: Dzidzoev V. D. On the issue of the Institution of the Presidency in Abkhazia and South Ossetia: comparative legal analysis. *Yuridicheskii vestnik DGU* = *Law Herald of DSU*, 2022, vol. 43, no. 3, pp. 21–29. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-21-29 (In Russ.).

26 августа 2008 г. Республика Абхазия и Республика Южная Осетия стали признанными независимыми суверенными государствами Южного Кавказа. Случилось это после Пятидневной войны на Южном Кавказе, когда Российская Федерация принудила Грузию подписать мирный договор,

в котором активное участие принял и Президент Франции Николя Саркози. Десятки лет до этого радостного события коренные народы Абхазии и Южной Осетии – абхазы и осетины вели продолжительную и изнурительную национально-освободительную борьбу против тбилисского дик-

тата. В настоящей статье сознательно обходится подробный анализ предпосылок, этапов и особенностей национально-освободительной борьбы, так как она получила широкое научное толкование в исторической [1, 2, 3, 4, 5, 6] и политико-правовой литературе [7, 8, 9, 10]. Необходимо подчеркнуть и то, что в постсоветской Грузии также создана целая историография научной и псевдонаучной литературы, посвященной многим проблемам Абхазии и Южной Осетии, особенно их многолетней сепаратистской деятельности [11, 12, 13]. Однако изданный в Москве в 2008 г. и 2010 г. объемный сборник документов и его объективный и всесторонний анализ позволяют говорить не столько о сепаратизме в Абхазии и Южной Осетии, сколько о сепаратизме самой Грузии. Из анализа сборника четко выясняется, что задолго до распада СССР тбилисские власти активно занимались сепаратизмом в отношении Москвы [14, 15]. Изданная в Москве монография В.А. Захарова, А.Г. Арешева, Е.Г. Семериковой «Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст», где проведенный глубокий и всесторонний политико-правовой анализ данной проблемы позволяет утверждать, что у двух молодых суверенных государств Южного Кавказа были все основания для становления новых независимых государств. Напомним, что на сегодняшний день Республика Абхазия признана не только Российской Федерацией, но и Никарагуа, Венесуэлой, Науру, Сирийской Арабской Республикой и другими суверенными государствами, которые, разумеется, являются полноправными членами ООН. Примерно такое же положение мы видим и в Республике Южная Осетия. В то же время подчеркнем и то, что молодые суверенные государства Южного Кавказа, хотя и идут уверенной поступью по тяжелому пути суверенизации, тем не менее, сталкиваются и с большими проблемами. Они касаются как внутренних проблем, так и внешней сферы, т.е. международных отношений. Разумеется, что молодые государства имеют не только надежных и верных друзей в лице в первую очередь государств, признавших их суверенитет, но и откровенных недругов и даже враждебно настроенных государств. К ним относятся, например, Республика Грузия, США, Великобритания, практически все страны Североатлантического альянса. В данном случае нет необходимости делать особый акцент на причинах непризнания суверенитета двух молодых государств Южного Кавказа. Подчеркнем лишь, что эта тема отдельного и специального исследования. В настоящей статье автор сосредоточил внимание не на международных проблемах Абхазии и Южной Осетии, а на некоторых внутренних проблемах, например, институте президентства, цензе оседлости для будущего президента и некоторых других «мелочах», которые иногда становятся серьезными проблемами во внутренней жизни неокрепших еще государств. Возьмем, к примеру, Республику Южная Осетия, в законодательство которой впервые была введена норма о цензе оседлости еще до при-

знания республики суверенной, т.е. до 2008 г. При первом президенте Южной Осетии Л.А. Чибирове в конституции республики, одобренной на референдуме 8 апреля 2001 г., было сказано, что кандидатом в президенты Республики Южная Осетия может стать гражданин, проживающий на территории Южной Осетии в течение 10 лет. Заметим и то, что при Л.А. Чибирове Южная Осетия, как и Абхазия, испытывала фактическую блокаду от внешнего мира, инициатором которой была Грузия и государства, которые поддерживали Тбилиси. Именно поэтому в Южной Осетии особо большого значения не придали тому факту, что в конституции государства произошли какие-то дополнения. Спустя многие годы в Южной Осетии была принята новая конституция. К этому времени в молодой и еще непризнанной республике был уже новый президент – Эдуард Джабеевич Кокойты. В новой редакции уже в 2011 г. было подчеркнуто, что президентом республики может стать тот гражданин, который проживает на территории Южной Осетии последние 10 лет. На юридическом языке это называется ценз оседлости. Напомню, что с этим вопросом не только в Южной Осетии, но и в Абхазии и тогда и в сегодняшней действительности встречается немало неопределенностей и разночтений. Это связано с тем, что граждане Республики Южная Осетия в большинстве своем имеют двойное гражданство, т.е. они, как граждане Южной Осетии, так и граждане Российской Федерации. Примерно также обстоит дело с гражданством в Абхазии, где также по конституции Абхазии допускается двойное гражданство. Кроме того, необходимо подчеркнуть и ряд других проблем, связанных с отсутствием строгого режима регистрации фактов пересечения гражданами государственной границы, как Южной Осетии, так и Абхазии. Здесь свою негативную роль играют и некоторые другие «мелочи», которые также становятся в реальной действительности серьезными проблемами, например, недостаточная неурегулированность вопросов, связанных с четкой избирательной системой как в Южной Осетии, так и в Абхазии. Добавим сюда отдельные ошибки и упущения в вопросе паспортизации, которые имели место в лихие 90-е гг. XX в. и в самом начале XXI в. Однако, спустя многие годы, и они становятся удобными «лазейками» во время избирательной кампании. Все эти проблемы на первый взгляд кажутся действительно «мелочами». Однако во время избирательной кампании в молодых государствах, где еще хватает недостатков в вопросах демократии и права, они становятся политико-правовым аргументом в пользу того или иного кандидата в президенты, или против него. Речь идет о цензе оседлости, под которым следует понимать «требование более или менее длительного проживания в определенной местности» [16]. В конституции любого государства, как правило, фиксируется длительность проживания в конкретной местности. В Конституции Республики Южная Осетия в статье 48 части 1 (в новой редакции) подчеркивается, что будущий глава республики, дол-

жен постоянно проживать в Южной Осетии последние 10 лет [17]. В более широком политико-правовом толковании «ценз (от лат. *census* – подсчет, оценка; польск. *czynsz*; нем. *Zins*; англ. *requirement*) – 1) предусмотренные законодательством ограничительные условия допущения лица к пользованию какими-либо политическими, главным образом избирательными, правами» [16, с. 925]. Подчеркнем и то, что, наряду с цензом оседлости политико-правовая наука, как и историческая, знает, например, избирательный, имущественный, образовательный и другие цензы. Избирательный ценз предусматривает представление гражданину избирательных прав, которые устанавливаются конституцией государства или избирательным законодательством. Имущественный ценз, который был наиболее распространенным не только в Российской империи, но и в некоторых других развитых европейских государствах, предусматривал необходимость обладания установленным минимумом материальных благ. Что касается образовательного ценза, который также практиковался в Российской империи, то он предусматривал требование необходимости иметь установленный законом минимум образования. Таким образом, существование таких цензов было предусмотрено не только законами государства, но и условиями жизни. Вряд ли можно оспаривать, что ценз оседлости для гражданина, баллотирующегося в президенты, является бюрократическим препятствием. В этой связи подчеркнем, что первая попытка применения ценза оседлости в реальной действительности Республики Южная Осетия произошло в разгар президентских выборов 2011 г. В то время молодая и неокрепшая в политическом, экономическом и военном отношениях республика Южного Кавказа была охвачена внутренним кризисом. А реальной причиной его стали различные толкования и противоположные подходы к понятию ценз оседлости. Напомним, что с президентских выборов Южной Осетии в 2001 г. был снят гражданин достаточно известный не только в политических кругах республики, но и в других сферах. Речь идет о Резо (Герасиме) Хугаеве, премьер-министре Республики Южная Осетия в период войны с Грузией в 1990–1992 гг. В целом он пользовался поддержкой избирателей и авторитетом среди народа. Тем не менее, различные трактовки ценза оседлости в Южной Осетии для будущего главы государства вынудили его снять кандидатуру. В то же время в президентских выборах участвовал гражданин, проживавший за пределами республики около 10 лет. Эти два вопиющих факта в жизни молодой республики стали предметом больших споров во всех слоях общества. В 2011 г. в Республике Южная Осетия во время президентских выборов вновь наступил политический кризис, а причиной послужил опять же ценз оседлости. Проблема осложнялась тем, что в республике еще не забыли предвыборные баталии и несправедливость, которая имела место во время президентских выборов десятилетней давности. Особенность кризиса

2011 г. состояла в том, что толкование понятия «постоянно проживающий» на территории Южной Осетии, которым Центральная избирательная комиссия Республики Южная Осетия руководствовалась в ходе президентской компании. В тезисной форме можно пояснить, что необходимое «толкование» содержалось в письмах, направленных на имя председателя ЦИК Республики Южная Осетия Б.В. Плиевой за подписью и.о. председателя парламента республики З.Р. Кокоева. Эти письма, не имевшие политико-правовой силы, а, стало быть, могли быть проигнорированы, тем не менее, стали реальной причиной возмущения многих десятков тысяч членов югоосетинского общества в ноябре–декабре 2011 г. Подчеркнем еще раз, что письма не имели политико-правовой силы, так как они по определению не должны были служить обоснованием толкования правовых норм. Это противоречило законам Республики Южная Осетия. По законам молодого и неокрепшего еще в политико-правовом отношении государства Южного Кавказа толкование законов должно было осуществляться если не Конституционным судом республики, которого к этому времени еще не было в РЮО, то хотя бы в виде постановления Парламента государства. К сказанному можно добавить и то, что вышеперечисленные письма не были опубликованы в газетах и журналах. В то же время в Конституции Республики Южная Осетия подчеркивается, что «нормативные правовые акты Президента, Парламента и местных органов государственной власти Южной Осетии, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться на территории Республики Южная Осетия, если они официально не опубликованы для всеобщего сведения» [17, с. 47]. Даже поверхностный политико-правовой анализ общественно-политической ситуации в Южной Осетии в 2011 г. позволяет говорить о том, что в молодом государстве были допущены и другие нарушения. Например, пункт «д» части 1 статьи 10 Конституционного закона Республики Южная Осетия «О выборах Президента Республики Южная Осетия» предусматривает, что Центральная Избирательная Комиссия республики должна обеспечивать совершенно одинаковое применение закона. И еще: в письмах, о которых речь шла выше, отмечалось, что постоянно проживающим в Республике Южная Осетия считается гражданин, кто выезжал в течение года не более чем на три месяца. Однако трехмесячная отлучка из Южной Осетии должна была обосновываться конкретными законодательными актами. В то же время такое положение противоречит статье 24 Конституции Республики Южная Осетия, где говорится о праве граждан на свободу передвижения. В Основном законе государства прямо подчеркивается, что каждому, кто законно находится на территории Республики Южная Осетия, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора места жительства, кроме случаев, оговоренных законом [17, с. 42]. Здесь же говорится, что каждый человек

имеет право выезжать за пределы республики. Также в конституции подчеркивается, что любой человек, выехавший за пределы республики, «имеет право беспрепятственного возвращения в Республику Южная Осетия» [17, с. 42]. Прав исследователь данной проблемы В.Ф. Гобозов, который отмечает: «Более позднее оправдание официальных лиц и их ссылки, что «толкование» основывается на п. «в» ч. 1 ст. 13 Конституционного закона Республики Южная Осетия «О гражданстве Республики Южная Осетия», вообще не выдерживает никакой критики. Во-первых, потому что там говорится не о «постоянном проживании», а о том, какой «срок проживания» считается «непрерывным». Это, конечно, весьма близкие по значению, но далеко не всегда идентичные юридические термины. Во-вторых, данная норма установлена для строго определенной категории лиц, а именно для желающих получить гражданство Республики Южная Осетия, поэтому никак не может автоматически распространяться на граждан страны» [18]. Учитывая все эти факты (а более мелких нарушений определения ценза оседлости было еще больше в Южной Осетии), можно с уверенностью утверждать, что данное положение не может иметь правовую силу и правовой характер.

Однако в Южной Осетии дискуссии о цензе оседлости не закончились с выборами Президента республики. Они продолжались еще долго и обострились в ходе парламентской компании 2014 г., когда Верховный суд Республики Южная Осетия отказался принимать во внимание ценз оседлости у кандидатов в депутаты Парламента Республики Южная Осетия. Верховный суд, принимая решение, руководствовался Гражданским кодексом, который действовал на территории молодого государства. Данное решение Верховного суда вызвало немало кривотолков и разного рода дискуссий, иногда далеких от политико-правовых норм и понятий. В 2016 г. Центральная избирательная комиссия Республики Южная Осетия выступила инициативой конкретизировать конституционную норму о цензе оседлости. Конечно, с этой инициативой она должна была выступить значительно раньше, и тогда, надо полагать, не было бы кризисных явлений и политических спекуляций. Подчеркнем, что в 2016 г. вступили в силу поправки в конституционные законы Республики Южная Осетия «Об основных гарантиях избирательных прав и право на участие в референдуме граждан Республики Южная Осетия» и «О выборах Президента Республики Южная Осетия». Эти два закона фактически являются концептуальными в плане строительства демократического и правового государства в Южной Осетии. Поправки касались нескольких важнейших позиций, в том числе они содержали новую формулировку понятия «постоянно проживающий». Теперь было узаконено, что «постоянно проживающий», это – тот человек, который постоянно проживает в Республике Южная Осетия. При этом он, согласно закону, мог выехать за пределы государства не более чем на 93 рабочих

дня. Совершенство данных законов, на наш взгляд, состояло и в том, что в закон было введено понятие «уважительная причина». Теперь на законном основании уважительными причинами считались отпуск, командировка, учеба и лечение, если их необходимость подтверждена соответствующими документами. По крайней мере, такие поправки приближают законодательство Южной Осетии к политико-правовому совершенствованию. Надо подчеркнуть и то, что до политико-правового совершенства молодым государствам Южного Кавказа еще предстоит пройти длинный и трудный путь. Напомним, что несовершенство законодательной сферы, как правило, оставляет возможность для разночтений, а иногда и откровенных спекуляций. Такой возможностью, конечно же, пользуются не только в Южной Осетии и Абхазии, но и в более развитых демократических и правовых государствах, например, в США, Франции, Турции и др. В этой связи напомним мнение политолога и юриста из Южной Осетии В.Ф. Гобозова, который обратил внимание на эту проблему. Он пишет: «Кроме того, согласно принципам правового государства, устанавливаемые нормы должны быть исполнимыми, т.е. государство обязано обеспечить гражданину возможность их исполнения к моменту применения новых норм. К тому же в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Международным пактом 1966 г. «О гражданских и политических правах» и ч. 4 ст. 38 Конституции Республики Южной Осетии общим для всех отраслей права является принцип, согласно которому закон, ухудшающий положение граждан, не имеет обратной силы. «Следовательно, новый, более жесткий ценз оседлости подлежал применению не ранее, чем через 10 лет после его официального обнародования, чтобы граждане, обладавшие пассивным избирательным правом в соответствии с прежней редакцией данной конституционной нормы, не были лишены его и незаконно ущемлены в правах» [18, с. 88]. Если сравнить проблему ценза оседлости в Южной Осетии до и после 2016 г., то возникает некий парадокс. По толкованию ценза оседлости до 2016 г. получалось, что, если в течение последних 10 лет гражданин хотя бы раз в год выезжал за пределы республики более чем на три месяца в совокупности, то он уже считался не проживающим в молодом государстве. Парадокс состоял и в том, что в таких случаях органы власти не брали в расчет, был ли отпуск у гражданина, выезжал ли он за пределы республики по уважительной причине или нет и т.д. Таких парадоксов и недоразумений было много, и они создавали большие политико-правовые проблемы. В конечном итоге эти проблемы, как минимум, дважды приводили Южную Осетию в кризисное состояние, когда общественность в основной своей части выходила на улицы, требуя соблюдения законности. Необходимо подчеркнуть, что после 2016 г. с формулировкой понятия «постоянно проживающий» в Южной Осетии стало больше порядка, а самое главное – предсказуемости. Теперь принципиально по-другому

воспринимается любой гражданин, кто постоянно проживает на территории республики. Каждый гражданин является «постоянно проживающим», если он выезжал за пределы государства не более чем на 93 рабочих дня. Законодатели также позаботились о том, чтобы узаконить понятие «уважительная причина». После 2016 г. каждый гражданин Республики Южная Осетия имеет право проводить свой отпуск по своему усмотрению, с кем захочет, где считает более целесообразным, в том числе и за рубежом. Для претендента на высокий пост Президента РЮО необходимо быть на территории государства около 130 рабочих дней в течение года. Таким образом, общими усилиями был наведен элементарный политико-правовой порядок в понятие «ценз оседлости», что, надо полагать, поможет на предстоящих 10 апреля 2022 г. новых выборах в Президенты Республики Южная Осетия.

Нет сомнений в том, что нынешняя формулировка ценза оседлости значительно лучше прежней трактовки. Кроме прочего, необходимо также подчеркнуть, что по нынешним законам Южной Осетии понятие «проживающий 10 лет на территории республики» больше соответствует принципу исполнимости. Обращаем внимание и на то, что абсолютное большинство граждан Республики Южная Осетия имеют и гражданство Российской Федерации. Примерно такое же положение у граждан Республики Абхазия. Об этом все знают. Для одних, в основном противников независимости двух молодых государств Южного Кавказа, это большое упущение, ошибка, которой, будто бы пользуется Москва. Для других, в основном апологетов и защитников Абхазии и Южной Осетии, этот факт является благородным проявлением со стороны Российской Федерации. Как бы то ни было, но двойное гражданство в юридической литературе называется бипатрид (биполид) (лат. *bipatris* (*bipatridos*), от лат. *bi* – двух/ + гр. *polis* /*polidos* – государство; англ. *bipatride*, *bipolide*) – в международном праве лицо, имеющее два или более гражданства [16, с. 89]. В этой связи уместным представляется упомянуть также апатрид (от греч. *apatris* – лишенный отечества, родины; англ. *apatride*) – лицо, не имеющее гражданства, или подданства, по терминологии российского законодательства – лицо без гражданства [16, с. 45]. Заметим и то, что во многих странах, например, в Иране, Турции, Саудовской Аравии, Российской Федерации этой категории граждан запрещено занимать государственные должности. Однако в Республике Южная Осетия в силу некоторых объективных причин такого запрета в отношении граждан Российской Федерации нет. Обратим внимание на то, что схожие проблемы с цензом оседлости для кандидатов в президенты можно было наблюдать и на примере Абхазии. Некоторые политико-правовые проблемы Южной Осетии и Абхазии или полностью совпадают или были близки друг к другу. Это говорит о том, что в законодательном творчестве у молодых государств Южного Кавказа, несмотря на очевид-

ные успехи, есть еще немало проблем, над которыми им следует работать. А в настоящей статье следует продолжить анализ некоторых конкретных фактов, которые свидетельствуют о правовых возможностях государственности Абхазии. Напомним, что 22 августа 2008 г. посол США в Российской Федерации Джон Байерли в интервью «Коммерсанту» высказал мнение, что Москва обоснованно ответила на нападение на российских миротворцев в Южной Осетии, но в итоге «зашла слишком далеко» [19]. По утверждению Байерли, США до последнего момента убеждали Грузию не идти на обострение ситуации (что гораздо позднее подтвердил Госдеп на слушаниях в американском Сенате). Однако, как сообщалось, почти одновременно Саакашвили в интервью «Интернейшнл геральд трибюн» говорил, что США «не выражали своего недовольства» действиями Тбилиси, когда в ночь с 7 на 8 августа был отдан приказ атаковать Цхинвал [19]. Грузинский министр по реинтеграции Т. Якобашвили был настолько уверен во внешней поддержке агрессии Грузии против Южной Осетии, что не остановился даже перед тем, чтобы объявить в одном из интервью, что «это только начало восстановления территориальной целостности Грузии» [19]. При этом Т. Якобашвили заявил о том, «что у Абхазии, как и Южной Осетии, нет никаких оснований для того, чтобы требовать от Тбилиси правовых основ государственности» (Хабек-Заде) [19]. США, Великобритания и некоторые другие государства, следуя давнишней традиции, всегда выступают против Российской Федерации. В какой-то степени это объяснимо, если учитывать, что все эти государства являются масштабными игроками в современной геополитике. Однако критика, включая и фальсификацию фактов, с которыми они обрушились на Москву, из-за пятидневной войны на Южном Кавказе, зашкаливала все мыслимые пределы. В «Аналитических записках» по международным исследованиям МГИМО (У) МИД Российской Федерации подчеркивается: «Во время визита в Тбилиси, с целью убедить М. Саакашвили подписать «шесть принципов» (в итоге, как известно, М. Саакашвили подписал несколько измененный документ), К. Райс (Госсекретарь США. – В.Д.) на совместной с грузинским президентом пресс-конференции, гневно потребовала вывода российских вооруженных сил с территории Грузии» [19]. При этом и она вслед за Т. Якобашвили усомнилась в политико-правовых основаниях Абхазии и Южной Осетии. В этой связи еще раз можно и нужно объяснить общеизвестные исторические и политико-правовые аргументы основ государственности Абхазии. Самые известные международно-признанные документы о правовых основах государственности Абхазии и Южной Осетии сводятся к следующему. После принятия Устава ООН основополагающий принцип право нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства, много раз, начиная с резолюции 545 (VI) Генеральной Ассамблеи получал подтверждение в других докумен-

тах ООН. В их числе следует назвать принятую резолюцией №1514 (XV) от 14 декабря 1960 г. Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966); Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), в которых особо подчеркнуто право народов распоряжаться собственной судьбой [20, с. 172]. Кроме того, следует назвать и такой важнейший документ, как Декларация о принципах международного права, касающейся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, и принятой 24 октября 1970 г. резолюцией №2625 (XXV), в которой отмечается: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству, как объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение» [20, с. 173]. В этом важнейшем документе также подчеркивается, что каждое государство обязано воздержаться от любых насильственных действий, которые могли бы помешать народам в осуществлении своего права на самоопределение. Составной частью принципа самоопределения народов является их право испрашивать и получать поддержку в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций в случае, если их насильственным путем лишают права на самоопределение. В Декларации отмечается: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов...» [20, с. 173]. Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что стороны, подписавшие Декларацию, выступают против применения под необоснованным и надуманным предлогом якобы оказания помощи в осуществлении права на самоопределение каких-либо действий, нарушающих территориальную целостность и политическое единство государств, и так уже «соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов», со стороны других государств или международных организаций. Но это положение направлено на то, чтобы воспрепятствовать демагогическому использованию лозунга самоопределения для каких-либо враждебных действий в отношении государства, на территории которого проживают два или более народов, добровольно реализовавших свое право на самоопределение именно в форме совместного проживания. На это и направлены положения ряда международных актов, принятых в рамках СНГ, в том числе и Совещания о создании

СНГ 1991 г. (ст. 5), в котором стороны подтвердили «неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества» [20, с. 173]. Кроме того, можно было бы напомнить Т. Якобашвили и бывшему Госсекретарю США К. Райс почти азбучные истины о том, что национальное самоопределение – это ключевой принцип цивилизованной, современной национальной политики любого государства, если оно признает правовые нормы и основополагающие правила демократии. Национальное самоопределение является наиболее полным выражением демократизма в национальной политике и межнациональных отношениях. Это – аксиома. Как принцип национальное самоопределение возникло из опыта национальных движений и формирования национальных государств в XIX – нач. XX вв. По мнению дагестанского ученого М.Н. Абдуллаева, «современное осмысление развития отечественной суверенной государственности связано с раскрытием исторических процессов национально-государственного строительства. Институционализацию национально-государственного строительства принято связывать с созданием национальных республик» [21, с. 44]. Он подчеркивает, и с ним следует согласиться, «что национально-территориальный подход соответствует международно-признанному коллективному праву народов (этносов) на самоопределение. Он может способствовать интеграции частей распавшегося унитарного государства, ускорению экономического и культурного развития окраинных регионов, способствовать снятию определенных противоречия между национальностями» [21, с. 44]. Национальное самоопределение в конечном итоге возникло из мирового опыта решения национального вопроса. И в этом отношении представителям США не мешало бы посмотреть на предпосылки и возникновение своего государства, которое теперь уже доминирует во всем мире. По крайней мере, пытается. Напомнить можно и то, что возникновение США не все государства и не сразу признали. Однако от этого США не перестает быть если не самым мощным, то одним из самых сильных и влиятельных государств земного шара. То же самое можно сказать о возникновении и функционировании другого мощного государства – СССР, которое тоже не сразу и не все признали. Национальное самоопределение нашло воплощение в образовании национальных государств в Европе, в добрососедском сосуществовании больших и малочисленных наций в федеративных государствах [22, с. 9]. Проблема возникновения новых независимых государств достаточно сложная, противоречивая, затрагивающая интересы и других государств, особенно метрополий, которые в этом случае распадаются. Тем не менее, другого выхода нет в демократическом решении вопроса о выходе нации из состава единого многонационального государства и образования нового самостоятельного государства. Конкретных примеров выхода нации из состава более крупного многонационального состава более чем достаточно. Вспомним 1905 г., когда Норвегия отделилась от Швеции.

Можно напомнить и о других мирных разводах, например, в 1991 г. совершенно мирно разделились Чехия и Словакия, которые на сегодняшний день признаны ООН и поддерживают добрососедские тесные торгово-экономические отношения [23, с. 10]. Однако проблема национального самоопределения представляется крайне сложным и болезненным процессом, который в современных условиях чаще всего сопровождается войнами. За примерами далеко ходить не надо, так как Грузия вела кровопролитные войны на территории Абхазии и Южной Осетии, целью которых было подчинить абхазский и осетинский народы, которые продолжили время вели национально-освободительную борьбу. Немало было войн и на территории бывшей Югославии, где некоторые народы, объединенные в социалистическую федерацию, вели национально-освободительную борьбу, которая переросла в межнациональную войну*. Таких примеров много, и они свидетельствуют о крайне сложном характере проблемы национального самоопределения, как в теоретическом плане, так и в политическом отношении. Националистические силы, как правило, «всегда настаивали на безусловном и немедленном отделении, добиваясь методами сепаратизма и национальной вражды распада многонациональных государств. Имперское же мышление, как сейчас на Украине, и великодержавные политические силы, чаще всего стремятся любой ценой, в том числе и при помощи насилия, сохранить имперские структуры и насильем сколоченное многонациональное государство с его отношениями неравноправия и иерархией соподчинения различных наций» [24, с. 202]. Заметим, что самым верным и объективным с точки зрения международного права и демократических принципов путем добровольного объединения разных народов в единое многонациональное государство является подлинно-демократическое решение национального вопроса, реализация права нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства [22, с. 219]. Подчеркнем и то, что создание собственной государственности представляется одним из высших достижений каждой нации и в целом цивилизации. В конечном итоге создание собственной государственности свидетельствует о равенстве и взаимном

уважении многомиллионных и небольших по численности наций, как, например, абхазы или осетины. В то же время проблемы национально-территориального разграничения относятся к самым сложным и запутанным проблемам. Мировой опыт подтверждает это и показывает, что в национально-территориальном разграничении до сих пор остаются так называемые «белые пятна». Главная причина этих трудностей, по нашему убеждению, сводится к противоположным подходам в целом к принципу национального самоопределения и связанного с ним национально-территориального разграничения народов. По одной версии, право на национальное самоопределение предполагает исключительную возможность отдельной нации решать вопросы своей исторической судьбы и одновременно решать проблему статуса населенной им исторической территории. Из такой постановки вопроса и его решения вытекает и концепция свободно выраженной воли нации, ее статуса, формы государственного устройства и границы самого государства. По другой версии, сотни различных народов, в том числе многомиллионных (например, курды, проживающие на территории исторического Курдистана, который находится на территории четырех суверенных государств: Турции, Ирана, Ирака и Сирии), не имеют права на национальное самоопределение. Сильные в экономическом и военном отношении государства чаще всего мешают полной реализации национального самоопределения более слабых в экономическом и военном отношении наций. Более сильные государства, как правило, навязывают свою волю более слабым народам, и тем самым пытаются решать судьбу других народов, которые волей судьбы или по волюнтаристскому решению политиков оказались в так называемых «территориально-целостных государствах». Теперь принцип территориальной целостности зафиксирован в Уставе ООН. Но этот уязвимый во многих отношениях принцип был незыблемым и раньше. Так было, например, в 1920 г., когда, не спрашивая волю абхазов и осетин, грузинские и кремлевские политики волюнтаристски включили Абхазию и Южную Осетию в «территориально-целостную Грузию».

Список источников

1. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений / составители: Гаглойти Ю.С., Джигоев М.К., Джусойты Н.Г., редактор, Пухаев К.П. и др. Цхинвал, 1995.

* *Межнациональная война* – масштабное социально-политическое явление, представляющая собой жесточайший акт разрешения территориальных, национальных, религиозных и других противоречий между народами, в том числе в одной федерации, вооруженными средствами. Межнациональная война порождается глубинными причинами, носящими как объективный, так и субъективный характер. Ее содержание соответствует национально-стратегическим целям, достигаемым насильственными (вооруженными) методами. Главным орудием ведения межнациональной войны являются, в масштабах одной страны, незаконные, то есть не предусмотренные конституцией государства, вооруженные формирования (боевики), способные вести активные боевые действия. Межнациональная война приводит к большим человеческим жертвам, утрате материальных и духовных ценностей, созданию «образа врага», разрушительно воздействует на общественно-политическую, демографическую, межнациональную обстановку не только в зоне боевых действий, но и за ее пределами (Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 2-е изд. Владикавказ, 1998. С. 200).

2. Кулумбегов Р.П. Южная Осетия. Год за годом. Цхинвал: Изд-во «Республика», 2018.
3. Кониев Ю.И. Осетия: государственность и суверенитет. Владикавказ: Изд-во «Ир», 1995.
4. Дзидзоев В.Д. Проблемы советского национально-государственного строительства в Осетии и постсоветские итоги. Владикавказ: Изд-во «Ир», 2011.
5. Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М. Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. Владикавказ, 2017.
6. Гатикоев Г.Р. Южная Осетия в борьбе за национальное самоопределение (1917-1922 гг.). Цхинвал: Изд-во «Дом печати РЮО», 2020.
7. Грузино-абхазский конфликт: 1917-1992 / сост. К.И. Казенин; послесл. О.Р. Айрапетов. М.: Изд-во «Европа», 2017.
8. Независимая Абхазия: проблемы и решения / под ред. Т.М. Шамба. М.: ОАО «Типография «Новости», 2007.
9. Захаров В.А., Лаквитав А.Б. Правовые аспекты грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. М.: Изд-во «Центриздат», 2010.
10. Конституция (Основной закон) Республики Абхазия. Сухум: ГПП «Дом печати», 1994.
11. Оккупация и фактическая аннексия Грузии (о политической и правовой оценке нарушения Договора между Грузией и Советской Россией от 7 мая 1920 года): док. и матер. Тбилиси: Изд-во «Сакартвело», 1990.
12. Ментешаивили А.М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918-1921 гг.). Тбилиси: Изд-во «Самшобло», 1990.
13. Бакрадзе А., Тоидзе Л., Жоржоллиани Г. и др. Осетинский вопрос. Тбилиси: Изд-во «Тера», 1995.
14. Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989-2006 гг. Приложение к «Кавказскому сборнику». Вып. № 1. М.: Изд-во «Русская панорама», 2008.
15. Захаров В.А., Арешев А.Г., Семерикова Е.Г. Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. М.: Изд-во «Русская панорама», 2010.
16. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд., доп. и перераб. М., 2007.
17. Конституция (Основной закон) Республики Южная Осетия. Цхинвал: Изд-во «Южная Алаания», 2011.
18. Гобозов В.Ф. Государство Алаания. Геополитический шанс для осетинского народа (Образование и становление Республики Южная Осетия – Государства Алаания. 1988-2018 гг. Политико-правовой анализ). Цхинвал: Изд-во «ЮОГУ», 2021.
19. Григорьева Ю., Киселев А. Информационно-пропагандистские аспекты конфликта вокруг Южной Осетии // Аналитические записки. Выпуск 10 (39). Декабрь 2008. М.: МГИМО – Университет, 2008.
20. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета (издание второе, переработано). М.: ООО «Ин-Октаво», 2004.
21. Абдуллаев М.Н. К проблеме понимания государственности республики – субъекта Федерации в российской юридической науке (на примере Республики Дагестан) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 43-48.
22. Дзидзоев В.Д. Проблемы и перспективы суверенитета молодых государств (на примере Абхазии и Южной Осетии). Владикавказ: Изд-во ФГБОУ ВО «Горский госуниверситет», 2019.
23. Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М. Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. Владикавказ: Изд-во «Ир», 2017.
24. Политология. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Publishers», 1993.

References

1. Iz istorii ossetino-gruzinskikh vzaimootnoshenii [From the history of Ossetian-Georgian relations], compiled by: Gagloti Y.S., Dzhiyev M.K., Dzhusoity N.G., editor, Pukhaev K.P., etc. Tskhinval, 1995.
2. Kulumbegov R.P. Yuzhnaya Osetiya. God za godom [South Ossetia. Year after year], Tskhinval, "Respublika" Publ., 2018.
3. Koniev Yu.I. Osetiya: gosudarstvennost' i suverenitet [Ossetia: statehood and sovereignty], Vladikavkaz, "Ir" Publ., 1995.
4. Dzidzoev V.D. Problemy sovetskogo natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Osetii i postsovetские itogi [Problems of Soviet national-state construction in Ossetia and post-Soviet results], Vladikavkaz, "Ir" Publ., 2011.
5. Dzidzoev V.D., Gadzhiev M.M. Natsional'naya politika postsovetsoi Rossii na Severnom Kavkaze i problemy vykhoda iz krizisa [The national policy of post-Soviet Russia in the North Caucasus and the problems of overcoming the crisis], Vladikavkaz, 2017.
6. Gatikoev G.R. Yuzhnaya Osetiya v bor'be za natsional'noe samoopredelenie (1917-1922 gg.) [South Ossetia in the struggle for national self-determination (1917-1922)], Tskhinval, "Dom pechati RYuO" Publ., 2020.
7. Gruzino-abkhazskii konflikt: 1917-1992 [Georgian-Abkhazian conflict: 1917-1992], comp. K.I. Kazenin; afterword. O.R. Airapetov. Moscow, "Europe" Publ., 2017.

8. Nezavisimaya Abkhaziya: problemy i resheniya [Independent Abkhazia: problems and solutions / edited by T.M. Shamba, Moscow, JSC "Printing House "Novosti", 2007.
9. Zakharov V.A., Lakvitava A.B. Pravovye aspekty gruzino-abkhazskogo i gruzino-osetinskogo konfliktov [Legal aspects of the Georgian-Abkhaz and Georgian-Ossetian conflicts]. Moscow, "Tsentrizdat" Publ., 2010.
10. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Respubliki Abkhaziya [Constitution (Basic Law) of the Republic of Abkhazia], Sukhum: GPP "House of Press", 1994.
11. Okkupatsiya i fakticheskaya anneksiya Gruzii (o politicheskoi i pravovoi otsenke narusheniya Dogovora mezhdu Gruziei i Sovetskoi Rossiei ot 7 maya 1920 goda) [Occupation and de facto annexation of Georgia (on the political and legal assessment of the violation of the Treaty between Georgia and Soviet Russia of May 7, 1920)], doc. and mater. Tbilisi, "Sakartvelo" Publ., 1990.
12. Menteshashvili A.M. Iz istorii vzaimootnoshenii gruzinskogo, abkhazskogo i osetinskogo narodov (1918-1921 gg.) [From the history of relations between the Georgian, Abkhaz and Ossetian peoples (1918-1921)], Tbilisi, "Samshoblo" Publ., 1990.
13. Bakradze A., Toidze L., Zhorzholiani G., etc. Osetinskii vopros [The Ossetian question], Tbilisi, "Tera" Publ., 1995.
14. Konflikty v Abkhazii i Yuzhnoi Osetii. Dokumenty 1989-2006 gg. Prilozhenie k "Kavkazskomu sborniku" [Conflicts in Abkhazia and South Ossetia. Documents 1989-2006. Appendix to the "Caucasian Collection"]. Issue 1. Moscow, "Russkaya panorama" Publ., 2008.
15. Zakharov V.A., Areshev A.G., Semerikova E.G. Abkhaziya i Yuzhnaya Osetiya posle priznaniya: istoricheskii i sovremennyyi kontekst [Abkhazia and South Ossetia after recognition: historical and Modern context], Moscow, "Russkaya panorama" Publ., 2010.
16. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Yuridicheskaya entsiklopediya [Legal Encyclopedia], ed. by M.Yu. Tikhomirov, ed. 5th, add. and reprint, Moscow, 2007.
17. Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Respubliki Yuzhnaya Osetiya [Constitution (Basic Law) of the Republic of South Ossetia]. Tskhinval, "Yuzhnaya Alaniya" Publ., 2011.
18. Gobozov V.F. Gosudarstvo Alaniya. Geopoliticheskii shans dlya osetinskogo naroda (Obrazovanie i stanovlenie Respubliki Yuzhnaya Osetiya – Gosudarstva Alaniya. 1988-2018 gg. Politiko-pravovoi analiz) [The State of Alania. A geopolitical chance for the Ossetian people (Formation and formation of the Republic of South Ossetia – the State of Alania. 1988-2018 Political and legal analysis)], Tskhinval, "YuOGU" Publ., 2021.
19. Grigor'eva Yu., Kiselev A. Informatsionno-propagandistskie aspekty konflikta vokrug Yuzhnoi Osetii [Information and propaganda aspects of the conflict around South Ossetia], *Analiticheskie zapiski [Analytical notes]*, issue 10 (39), December, 2008, Moscow, MGIMO – Universitet Publ., 2008.
20. Shamba T.M., Neproshin A.Yu. Abkhaziya. Pravovye osnovy gosudarstvennosti i suvereniteta [Legal foundations of statehood and sovereignty], second edition, revised, Moscow, "In-Oktavo" Publ., 2004.
21. Abdullaev M.N. K probleme ponimaniya gosudarstvennosti respubliki – sub"ekta Federatsii v rossiiskoi yuridicheskoi nauke (na primere Respubliki Dagestan) [On the problem of understanding the statehood of the Republic – a subject of the Federation in Russian legal science (on the example of the Republic of Dagestan)], *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik [North Caucasian Legal Bulletin]*, 2021, no. 2, pp. 43-48.
22. Dzidzoev V.D. Problemy i perspektivy suvereniteta molodykh gosudarstv (na primere Abkhazii i Yuzhnoi Osetii) [Problems and prospects of sovereignty of young states (on the example of Abkhazia and South Ossetia)], Vladikavkaz, Publishing house of the Gorsky State University, 2019.
23. Dzidzoev V.D., Gadzhiev M.M. Natsional'naya politika postsovetsoi Rossii na Severnom Kavkaze i problemy vykhoda iz krizisa [The national policy of post-Soviet Russia in the North Caucasus and the problems of overcoming the crisis], Vladikavkaz, Vladikavkaz, "Ir" Publ., 2017.
24. Politologiya. Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Moscow, "Publishers" Publ., 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дзидзоев Валерий Дударович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Горского ГАУ, г. Владикавказ, Российская Федерация. E-mail: Dzidzoevv@mail.ru

Поступила в редакцию 15.02.2022 г.; одобрена после рецензирования 14.04.2022 г.; принята к публикации 09.09.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dzidzoev Valerii Dudarovich, doctor of history, Professor, head of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law of Gorsky GAU, Vladikavkaz, Russian Federation. E-mail: Dzidzoevv@mail.ru

Received 15.02.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 09.09.2022